

УДК 94(476):323.17"1917"

ОКтябрьская революция и самоопределение Беларуси в 1917 г.

В. Ф. ГИГИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность советской национальной политики в Беларуси на фоне политической трансформации общества в условиях Октябрьской революции 1917 г. Рассматриваются идейные взгляды большевистских руководителей как Центрального комитета, так и Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). Подробно освещается история созыва, работы и разгона Всебелорусского съезда. Указывается на идейные и политические противоречия в партии большевиков, а также в белорусском национальном движении. Источниковую основу исследования составили многочисленные архивные документы, в том числе приводимые впервые.

Ключевые слова: революция; политический процесс; государственность Беларуси; большевики; Всебелорусский съезд; национальная политика; политическая трансформация; белорусское национальное движение.

THE OCTOBER REVOLUTION AND SELF-DETERMINATION OF BELARUS IN 1917

V. F. GIGIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author reveals the essence of the Soviet national policy in Belarus during the political transformation of society in the conditions of the October Revolution of 1917. The ideological view of the Bolshevik leaders of both the Central Committee and the Northwest Regional Committee of the RSDLP(b) are considered. The history of the convocation, work and dispersal of the All-Belarusian Congress is covered in detail. It points to the ideological and political contradictions that took place in the Bolshevik Party, as well as in the Belarusian national movement. At the same time, the source of the research was the numerous archival documents, including those cited for the first time.

Key words: revolution; political process; statehood of Belarus; Bolsheviks; All-Belarusian Congress; national policy; political transformation; Belarusian national movement.

Специалистам в области истории Беларуси XX в. заголовок данной статьи покажется знакомым: именно под таким названием в 1992 г. вышла монография академика И. М. Игнатенко. Книга стала веховой, поскольку подводила итоги советского периода изучения революционных событий и обозначала общие направления нового этапа историографии. Прошла четверть века, и наступила пора по-новому осмыслить многие вещи. Тем более что столетний юбилей Октябрьской революции к этому обязывает.

В отечественной науке проблема национально-государственного строительства в Беларуси нашла отражение в ряде работ. Кроме публикаций уже упоминавшегося И. М. Игнатенко [1], это исследование Н. С. Сташкевича [2], В. А. Круталевича [3], В. Е. Козлякова [4], С. С. Рудовича [5], П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева [6] и др. Относительно недавно вышла весьма любопытная книга московского историка Ю. А. Борисёнка «На крутых поворотах белорусской истории» [7]. Довольно критически проблемы отношения советской власти

Образец цитирования:

Гигин В. Ф. Октябрьская революция и самоопределение Беларуси в 1917 г. // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 87–100.

For citation:

Gigin V. F. The October revolution and self-determination of Belarus in 1917. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 87–100 (in Russ.).

Автор:

Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Author:

Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social science.
v.f.gigin@gmail.com

к белорусской государственности рассматривает в своих статьях гомельский историк Г. Г. Лазько [8–10]. Наконец, стоит упомянуть фундаментальное издание «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці», изданное Институтом истории НАН Беларуси [11]. Данную тему нельзя назвать закрытой. Напротив, все новые документы, вводимые в оборот,

отход от излишней политической ангажированности настоятельно диктуют необходимость осмысления сложнейшего и коренного вопроса нашей истории: как же появилась на свет Белорусская Республика в XX в. и какую роль сыграли в этом революционные события, а именно приход большевиков к власти?

Национальный вопрос в программе большевиков

К октябрю 1917 г. в условиях крайне обостренной политической борьбы, все более грозившей перерасти в гражданскую войну, по-прежнему неразрешенными оставались проблемы власти, мира, земли и национальный вопрос. В ходе незавершенной Февральской революции ведущие силы России так и не смогли сформулировать консенсусную программу действий для того, чтобы дать ответы на эти проклятые вопросы, терзавшие измученную войной и политическими страстями страну.

Большевики не только оказались единственной силой, сумевшей предложить внятный и последовательный политический план, но и избежали общей болезни тогдашней России – «властебоязни». Знаменитое ленинское «Есть такая партия!», брошенное на I Всероссийском съезде Советов, означало готовность как пойти на коалицию с другими революционно-демократическими партиями, так и единолично сформировать новое правительство. Подобная решимость наряду с грамотно сделанной ставкой на солдатские массы как движущую силу новой революции обусловила победу большевиков в октябре.

Разрешение национального вопроса стало одной из приоритетных задач в повестке дня новой правящей партии. Пост народного комиссара по делам национальностей, который занял И. В. Сталин, сразу же приобрел особый государственный статус. Каковы же были идейные основы большевистской национальной стратегии?

Гомельский историк Г. Г. Лазько в ряде публикаций ставит под сомнение искренность большевиков в проведении ими национальной политики. По его мнению, это было лишь прикрытием, неким инструментом в их борьбе за власть. Подобную тактику он обозначает взятым из более позднего контекста сталинским определением «игра в независимость». Именно исходя из таких посылок, исследователь приходит к умозаключению о том, что петроградские власти дали санкцию на разгон Всебелорусского съезда 1917 г. [12, с. 9–10] – форума, сыгравшего судьбоносную роль в становлении белорусской государственности в XX в.

Столь однозначное суждение не является экстраординарным, а отражает определенную тенденцию в отечественной историографии. На протяжении последней четверти века многие ученые и публицисты с недоверием относились к подлинным мо-

тивам, которыми руководствовались большевики в развитии белорусского советского государства. От рассуждений о буферности Беларуси для советской России, геополитическом кордоне и подобных мнений вполне логичным было перейти к практически полному отрицанию какой-либо заинтересованности большевиков в обеспечении белорусов правом на самоопределение. Чтобы разобраться, так ли это было на самом деле, необходимо обратиться к первоисточникам, а именно к идеологическим разработкам лидеров большевиков.

Архитектором советской национальной политики стал И. В. Сталин. И дело не только в его грузинском происхождении. К моменту революции он считался экспертом в деле межнациональных отношений, поскольку еще в 1913–1914 гг. опубликовал ставшую впоследствии хрестоматийной работу «Марксизм и национальный вопрос». Критики сталинского теоретического наследия обвиняли автора в компилятивности данного произведения, заимствовании ряда положений у германских и австрийских социалистов, прежде всего у Б. Бауэра и К. Каутского. Но, без сомнения, данная работа полностью отражала идейные подходы будущего наркома. Он подробно разобрал определения «нация» и «национальное движение», дал примеры таких движений, указал на их связь с революционной ситуацией в Европе в целом и Россией в частности. Ключевым же моментом его рассуждений стало безусловное признание абсолютного и гарантированного законом национального равноправия во всех его видах [13, с. 363]. Однако он выступал и против чрезмерного сепаратизма. Рассуждая о форме будущего государственного устройства, И. В. Сталин приходил к такому выводу: «Итак, национальная автономия не решает вопроса. Где же выход? Единственно верное решение – областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п. Преимущество областной автономии состоит прежде всего в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем, она не межуется людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, – наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межеевания другого рода, межеевания по классам» [13, с. 362]. Иными словами, И. В. Сталин

напрямую выступал против проекта культурно-национальной автономии как основы для решения национального вопроса в будущем, который выдвигался многими социалистами в то время, прежде всего в Австро-Венгрии.

Затем, в марте 1917 г., отвечая на опубликованную в эсеровской газете «Дело народа» статью «Россия – союз областей», И. В. Сталин несколько скорректировал свою позицию. Проанализировав опыт развития федераций в США и Швейцарии, он пришел к выводу о том, что подобная схема не годится для России: «Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно: 1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого; 2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого» [14, с. 27–28]. То есть будущий государственный статус той или иной национальности зависел от желания и способности ее элит добиться независимости или же ограничиться урезанным суверенитетом. Но окончательный выбор оставался за самим народом, навязывать решение сверху не предполагалось. Централизм должен был наступить на втором этапе – после суверенизации народов бывшей Российской империи. И это была вовсе не игра в прямом смысле этого слова, а многоходовое решение застаревшего и крайне сложного национального вопроса.

Подобная позиция была разъяснена в программной сталинской статье, опубликованной в феврале 1919 г. в «Известиях». Автор выступал за братское и социалистическое единство различных народов при наличии сильного центра. При этом данный тезис не отрицал права наций на самоопределение, но (и это важная оговорка) с последующим их воссоединением на новых социалистических основах. И. В. Сталин прямо ссылался на декларацию, принятую Съездом Советов Беларуси 3 февраля 1919 г.: «Добровольный союз трудящихся всех независимых советских республик»... это именно тот путь объединения народов, о котором все время твердила советская власть, и который дает теперь свои благие результаты» [15, с. 228]. Здесь мы видим уже некоторое обобщение первых шагов советской власти по решению национального вопроса. И, судя по всему, руководитель данного процесса оценивал собственный опыт как вполне положительный.

Л. Д. Троцкому, в будущем политическому оппоненту И. В. Сталина, подчас приписывают пренебрежение национальным вопросом, отношение к нему как ко второстепенному, едва ли не противоречащему интересам революции. Безусловно,

на первый план он ставил задачу осуществления мировой революции, но также выступал за самоопределение народов. Вместе с В. И. Лениным он стал соавтором официального ответа Совнаркома, данного Украинской Центральной раде 4 декабря 1917 г. В нем напрямую подтверждалось «право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права наций отделиться от России» [16, с. 142].

Отвечая на прямой запрос Всебелорусского съезда о том, как советское правительство видит будущее Беларуси и не планируется ли ее присоединение к Польше, 14 декабря Л. Д. Троцкий ответил: «Советское правительство считает, что никто, кроме белорусов, не имеет права решать, какова должна быть судьба Белоруссии. Эту позицию наша делегация будет отстаивать в дальнейших переговорах» [16, с. 230]. Подобная формулировка ответа, в частности, опровергает и мнение о том, будто Л. Д. Троцкий дал добро на разгон съезда.

И, конечно, ключевой являлась позиция самого лидера большевистской партии и руководителя советского правительства. И до 1917 г., и особенно на протяжении этого революционного года, и после него В. И. Ленин неоднократно в ясной и категоричной форме подтверждал свою однозначную позицию: полное и всестороннее признание права наций на самоопределение, устранение всякого гнета, господства одного народа над другим являются частью политической платформы большевиков. Наряду с окончанием войны, обеспечением рабочего контроля над производством, своевременным созывом Учредительного собрания и решением земельного вопроса данный тезис был отнесен к числу наиважнейших для новой власти в программном воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам!», принятом II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. [17, с. 11]. Выступая 22 ноября (5 декабря) 1917 г. на I Всероссийском съезде военного флота, В. И. Ленин, признав пестрый состав населения России, в котором великороссы составляли только около 40 %, призвал к радикальному решению национального вопроса: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [18, с. 115–116]. Немаловажно отметить, что последние слова были произнесены под бурные аплодисменты собравшихся.

Перечисленные тезисы воплощались в конкретных нормативных правовых актах, которые

открывали дорогу для решения национального вопроса на новой, советской, основе. В полной мере большевистская национальная политика получила свое отражение в Декларации прав народов России – одном из первых документов, принятых Совнаркомом уже 2 (15) ноября 1917 г. и подписанных В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В ней давалась крайне резкая отрицательная оценка положения различных национальностей в Российской империи. Политика царских властей по отношению к нерусским народам характеризовалась как позорная. Декларация не только провозглашала равенство и суверенность народов России, но и гарантировала «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [19, с. 41]. И это положение не осталось декларативным.

Сегодня порой весьма своеобразно и, рискуем предположить, неправильно представляют ленинскую национальную политику. В его стремлении создать союз социалистических республик усматривают едва ли не новый империализм. Но руководитель большевиков был далек от таких взглядов. В. И. Ленин был убежден, что нации, получившие полное право на самоопределение, в ходе социалистической революции неизбежно придут к идее о необходимости и даже неизбежности создания союза для совместного построения социализма. При этом не предполагалась какая-либо нивелировка национальных отличий, их искусственное объединение в «сверхнацию». Возможно, подобные рассуждения и прожекты носились в головах отдельных представителей большевистской партии, но ее руководство точно не ставило такой цели, по крайней мере в обозримом будущем. И здесь важно отметить, что самоопределение наций не означало передачу власти на местах национальной буржуазии (в большевистском определении). Именно такой подход во многом предопределил конфликты, в том числе вооруженные, с рядом политических группировок в национальных регионах.

Но еще более значимой, чем сами программные установки новой правящей партии, была атмосфера, установившаяся в среде большевистского руководства по отношению к различным национальностям. А такое отношение было однозначным и характеризовалось как резкое, категорическое неприятие любого шовинизма, особенно великорусского, и всяческое поощрение развития, как тогда было принято говорить, национальных окраин. По свидетельству Н. К. Крупской, являвшейся не только женой, но и наиболее духовно близким к вождю революции человеком, В. И. Ленин не мог спокойно вспоминать, как в его детстве и юности симбирская интеллигенция пренебрежительно и свысока говорила о любых других национальностях, кроме русской [20, с. 5]. По ее словам, именно

тогда В. И. Ленин научился ненавидеть великорусский шовинизм.

Все сказанное относится к взглядам и подходам центрального руководства большевистской партии и молодого советского государства. Для решения белорусского вопроса принципиальной являлась позиция лидеров местных партийных организаций, прежде всего Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). В этом плане весьма показательны серьезные изменения во взглядах В. Г. Кнорина на решение национального вопроса вообще и белорусского в частности. В первый революционный год он выступал с резкими нападками на любые попытки поднять белорусский вопрос. В одной из статей, опубликованных в газете «Звезда» в сентябре 1918 г., он утверждал, что «рабочий не имеет Отечества», а Отечество рабочего «там, где пролетариат ведет борьбу за свое освобождение, где кипит борьба его с мировым гигантом капитала» [21, с. 27]. Однако поспешным было бы представлять и самого В. Г. Кнорина, и его соратников по большевистскому обкому как ярых ненавистников белорусского народа, а уж тем более каких-либо великодержавных шовинистов. Последнее обвинение выглядит крайне несуразно по отношению к латышам В. Г. Кнорину и К. И. Ландеру, армянину А. Ф. Мясникову. Неприятие чрезмерной акцентуации национального вопроса и поспешности в самоопределении белорусов объяснялось двумя обстоятельствами: 1) необходимостью решения других, по мнению ряда большевиков, более актуальных вопросов революции, 2) опасением прихода к власти национальной буржуазии, которая бы просто заменила собой великорусскую буржуазию и аристократию. Вот как об этом говорил сам В. Г. Кнорин: «В Белоруссии революционное движение всегда было сравнительно слабо. Белоруссия носит на себе отпечаток некоторой культурной и экономической отсталости. И только счастливый случай, при котором началась революция, поставил ее в первом месте революционных окраин. Иначе ее бы ждала участь Украины, Грузии, Дона и т. д. В экономически отсталых странах пролетариат слаб, и вследствие этого мелкой буржуазии удастся объявлять гегемонию националистических интересов над классовыми. То же делают белорусы» [21, с. 27]. По мнению минских большевиков, классовый принцип должен был господствовать над национальным, они недвусмысленно обвиняли сначала белорусских социалистов, а затем и белорусских большевиков в том, что они тянут в революцию «националистический хлам».

Показательно, что в 1920-е гг. В. Г. Кнорин выступал уже с позиций поддержки развития различных национальностей. По его мнению, пролетарское государство должно было не стремиться к ассимиляции отдельных наций, а, наоборот, способствовать

укреплению их самобытности, учитывать в своей политике их национальные, в том числе языковые, особенности. Означало ли это, что один из коммунистических вождей Беларуси просто подстроился под изменившуюся конъюнктуру? Вряд ли. «За 10 лет существования диктатуры пролетариата, – пояснял своим соратникам В. Г. Кнорин в 1927 г. собственные взгляды, – не только культурно окрепли слабо развитые ранее национальности, но и ряд племен, не осознававших себя до революции как нации, превратились в нации в настоящем смысле этого слова и приступили к созданию своей культуры» [21, с. 175]. То есть он был убежден в том, что

в 1917 г. еще не сложились необходимые условия для более активного самоопределения наций, в результате целенаправленной национальной политики совсем другой стала ситуация в первое десятилетие советского строительства.

Не должно нас удивлять и то, что в 1917–1918 гг. позиции ЦК большевиков и Северо-Западного обкома РСДРП(б) серьезным образом расходились по вопросу национально-государственного развития Беларуси. В то время партия хотя и напоминала уже «орден меченосцев», но еще не представляла собой тот строго иерархизированный отряд, каким она станет в сталинскую эпоху.

Первая попытка создания советской республики

Вопрос о самоопределении Беларуси время от времени обсуждался в руководстве РСДРП(б) на протяжении всего 1917 г. Происходило это главным образом в ходе общения с белорусами-делегатами Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Если верить воспоминаниям Е. С. Канчера, такие встречи с В. И. Лениным имели место уже в июле 1917 г. Тогда руководитель РСДРП(б) поддерживал идею автономии Беларуси, заявив: «Беларусь может получить свое самоопределение только от той власти, которая будет находиться в руках большевиков»¹. В ходе Октябрьской революции главным условием самоопределения народов бывшей Российской империи станет признание власти Советов и руководство национальным движением со стороны местных большевиков или идейно близких им социалистов.

Большевики готовы были пойти достаточно далеко в деле самоопределения народов. Для них страшна и неприемлема была единая и неделимая Россия, а вот ее развала они не боялись. Но лидеры РСДРП(б) не вполне ориентировались в национальных особенностях регионов, поэтому 29 октября 1917 г. при Наркомате по делам национальностей была образована этнографическая комиссия, куда вошли как ученые, так и советские деятели. В ее задачи входило определение границ национальных районов. Тогда же народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Если белорусы пожелают не республику, а лишь автономию, мы пойдем на это. Важно, чтобы во главе автономии были коммунисты и наши люди. Все равно большевики организуют Союз республик, и в нем Белоруссия займет место самостоятельного советского государства»². Данная фраза приводится в изложении Е. С. Канчера, и сразу бросается в глаза термин «коммунисты», не очень свойственный для советской лексики конца 1917 г. Но сам Евгений Степа-

нович приводил слова будущего «отца всех народов» по памяти много лет спустя, поэтому, конечно, в них могли закрасться неточности. А вот по сути это заявление полностью укладывалось в идеологическую доктрину большевизма. Уже в тот период большевики делали конкретные шаги в отношении суверенизации Финляндии, Украины, других национальных территорий.

В результате переговоров возникла идея создания Белорусской советской республики, которую должен был провозгласить съезд, представлявший широкие слои белорусских трудящихся и национальных организаций. Обсуждение принципиальных моментов будущего Беларуси произошло на заседании белорусской секции Всероссийского Совета крестьянских депутатов еще 11 ноября 1917 г. Предполагалось создать автономную Беларусь как советскую республику. Во главе нового государства должны были стоять Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Беларуси. Планировалось формирование белорусской армии в виде красных полков, введение всеобщей воинской повинности.

На основе этнографической карты академика Е. Ф. Карского были определены и границы Беларуси, включавшие полностью Минскую, Могилевскую, Витебскую, Смоленскую губернии, Виленский, Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский, Свенцянский и Трокский уезды Виленской губернии, Гродненский, Брестский, Белостокский, Бельский, Волковысский, Кобринский, Пружанский, Слонимский, Сокольский уезды Гродненской губернии (всего 69 уездов)³. Новая национально-государственная автономия должна была гарантировать равноправие народов и языков, национальных меньшинств. Именно эти положения, а также хозяйственно-экономические, земельные, культурно-просветительские вопросы, отношение к правым политическим

¹НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 33. Л. 31–33.

²НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 26. Л. 28.

³РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1656. Л. 68.

партиям планировалось внести в повестку дня Всебелорусского съезда.

Белорусские делегаты Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов сформировали Белорусский областной комитет (БОК). Он был крайне враждебно настроен к общественным и политическим организациям, действовавшим под руководством Великой Белорусской рады (ВБР), созданной в Минске в октябре 1917 г. на основе Центральной рады белорусских организаций. Об этом недвусмысленно говорилось в политической платформе, принятой БОК 12 (25) ноября 1917 г.: «9. Белорусское национальное движение, Белорусской развиваемое Великой Радой и входящими в ее систему организациями, считается буржуазным и ему объявляется революционная борьба. 10. Белорусская Великая Рада, объединяющая националистические элементы и пытающаяся захватить в свои руки власть, будучи буржуазной, не имеет права говорить от имени белорусских трудящихся и должна быть ликвидирована. 11. Для прекращения националистической контрреволюционной работы правых белорусских партий и организаций, Белорусский областной комитет ВСКД берет на себя организацию и направление белорусского национального движения, придав ему революционный и социалистический характер»¹.

Подобная идеология в целом соответствовала курсу, избранному новой советской властью. Поэтому вполне логичным оказалось развернувшееся сотрудничество между БОК, с одной стороны, и ВЦИК и Совнаркомом, с другой.

Хотя с центральными органами советской власти у БОК сложились деловые, партнерские отношения, того нельзя было сказать об Исполнительном комитете Западной области и фронта (Облискомзапе), взявшем на себя функции руководящего советского органа в Беларуси. Руководители БОК, не отрицая необходимости коалиции с большевиками, неприязненно относились к лидерам Северо-Западной областной организации РСДРП(б), считая их «узурпаторами», захватившими власть в крае, опираясь на ресурсы Западного фронта. Непосредственно перед созывом Всебелорусского съезда в БОК обсуждалась возможность отстранения Облискомзапа от властных рычагов. В частности, предлагалось сменить фронтовое руководство, назначив М. В. Фрунзе комиссаром Западного фронта с широкими полномочиями². Насколько можно судить, эти вопросы ставились и на переговорах в Петрограде, по крайней мере с И. В. Сталиным. Они не нашли поддержки у советских лидеров. Те не собирались разменивать проверенных однопартийцев на новых, еще не показавших себя в деле союзников. Петроград делал ставку на создание ре-

гиональной коалиции Северо-Западной областной организации РСДРП(б), Западной областной организации левых эсеров и БОК.

Возможность участия в советской коалиции представителей Белорусской социалистической громады (БСГ) поначалу даже не рассматривалась. И дело здесь не только в идеологических расхождениях, но и в реальной оценке влияния БСГ и других белорусских партий, которые находились на периферии политической жизни. Они не были представлены на территории Беларуси ни в Советах, ни в органах земско-городского самоуправления. Структуры партии в крае были малочисленны и плохо организованы. Минская организация БСГ насчитывала к сентябрю 1917 г. менее 100 членов, т. е. ниже уровня, необходимого для делегирования своего представителя в состав Минского Совета [22, с. 102]. Реальный политический вес БСГ и всего белорусского национального движения продемонстрировали выборы в Учредительное собрание. Список БСГ в трех белорусских округах и по Западному фронту получил в среднем 0,3 % голосов. Громаде не удалось провести своих делегатов в Учредительное собрание несмотря на то, что ее кандидаты выставлялись не только на территории Беларуси, но и в тех местах, где имелось значительное скопление белорусских беженцев. За все «белорусские списки», включая правые консервативные группировки, в целом было подано не более 30 тыс. голосов, а именно: за БСГ – 17 454 голоса, за Белорусский список Калужской губернии – 1067 [23, с. 4–7]. При этом численность самой БСГ в рассматриваемый период составляла 10 тыс. чел., а всех организаций, входивших в состав ВБР, координационного совета, объединявшего большинство белорусских национальных общественно-политических организаций, – 25 тыс. чел. То есть и БСГ, и прочие белорусские политические группы практически не имели поддержки среди населения, за них голосовали в основном только собственные члены.

Низкий авторитет БСГ и руководимой ею ВБР подтверждается и свидетельствами современников. Известный белорусский писатель и общественный деятель М. Горецкий впоследствии вспоминал, что даже весной 1918 г. был искренне убежден в том, что кроме него о «национальных делах» во всей его округе мало кто знает [24, с. 29].

Атмосферу, царившую в отношениях между БОК и ВБР, очень точно охарактеризовал сам Е. С. Канчер во время беседы с И. В. Сталиным, которая имела место приблизительно в конце ноября 1917 г. Народный комиссар поинтересовался у своего собеседника, есть ли в БОК представители белорусских национальных партий, на что тот ответил: «Нет ни одного и не было. Их нет и не было нигде, ни в местных, ни в центральных Советах. Они нас

¹РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1656. Л. 70.

²НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 31. Л. 2.

считают чужинцами, а мы их считаем шляхтою без кавычек, агентами клерикалов, помещиков и буржуазии и в лучшем случае – национал-шовинистами. Им с нами не по дороге. Это национальная кукла номер второй, с которой вам придется бороться» [25, с. 96]. Под номером первым в данном случае имелась в виду Украинская Центральная рада, представлявшая тогда одну из самых болезненных для большевиков политических проблем.

Встреча народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина с группой белорусских делегатов (примерно 70 человек), представлявших Всероссийский крестьянский Совет, состоялась 5 декабря 1917 г. В ходе встречи был затронут вопрос о необходимости созвать в ближайшее время «краевой съезд крестьянских депутатов в целях укрепления Советской власти в Белоруссии»¹. И. В. Сталин от имени Совнаркома одобрил эту идею и согласился всесторонне ее поддерживать, сформулировав при этом основные принципы возможного сотрудничества, сводившиеся к желательности формирования советской власти в Беларуси на основе компромисса между Облискомзапом и БОК. Именно на таких условиях и стал возможным созыв Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. Более того, для организации съезда из казны была выделена денежная субсидия в размере 50 тысяч рублей².

Необходимо обратить внимание на дату встречи И. В. Сталина и представителей БОК. Именно в начале декабря завершались переговоры большевиков и левых эсеров о создании советской правительственной коалиции. Это совпадение, очевидно, не случайно. БОК, находившийся под влиянием левых неонародников и действовавший при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, в котором левые эсеры играли ведущую роль, сумел уловить удачный политический момент. Для большевиков сотрудничество с довольно многочисленной группой белорусской депутатов также было выгодно для укрепления позиций. Для РСДРП(б), сделавшей ставку прежде всего на солдатские и, во вторую очередь, рабочие массы, был важен каждый голос в среде крестьянских депутатов.

Сведения Е. С. Канчера о решающей роли БОК в организации Всебелорусского съезда подтверждаются и другими источниками. «Известия», официальный орган советской власти, 6 декабря 1917 г. сообщили о встрече товарища председателя БОК Ф. М. Короткевича с И. В. Сталиным, в ходе которой обсуждалась инициатива «областников» по совместной работе в Наркомнаце. Была также достигнута принципиальная договоренность о созда-

нии Белорусского отдела при Наркомнаце во главе с Ф. М. Короткевичем и В. С. Селивановым³. Ни о БСГ, ни о ВБР в статье не упоминалось.

Имеются достаточные основания утверждать, что достичь окончательного компромисса «областникам» и «радовцам» так и не удалось. Собравшийся в Минске съезд был озаглавлен борьбой между представителями ВБР и БОК. Противоречия между этими двумя организациями 7 и 12 декабря 1917 г. перешли в открытую форму и едва не закончились срывом Всебелорусского съезда [26, с. 68; 27; 28, с. 62; 29].

Облискомзап и Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), ясно понимая угрозу своей власти, определили четкую тактику, направленную на срыв Всебелорусского съезда. Однако поддержка съезда из Петрограда не позволила Облискомзапу пойти на решительные меры сразу. Находившийся в столице В. Г. Кнорин пытался переменить точку зрения петроградских руководителей на ситуацию в Беларуси, выставить БСГ и другие белорусские партии «соглашательскими», выступавшими против советской власти. Также резкие оценки давались и БОК. Облискомзап запретил до 20 декабря 1917 г. проведение любых собраний и съездов на территории области. Из-за подобной позиции БОК даже предполагал изначально провести съезд в Рогачёве, подальше от Минска, где располагались областные структуры [30, с. 147]. По свидетельству Е. С. Канчера, сам Л. Д. Троцкий довольно недоброжелательно относился к национальным движениям, считая, что они препятствуют делу большевистской партии. В частности, одному из вождей Октябрьской революции он приписывает такие слова: «Вы, белорусы, или украинцы, не мешайте нам завершить пролетарскую революцию»⁴.

Попытку примирить стороны предпринял И. В. Сталин, заинтересованный как народный комиссар по делам национальностей в урегулировании белорусского вопроса. Не ранее 5 и не позднее 7 декабря 1917 г. в Смольном прошла встреча И. В. Сталина с А. Ф. Мясниковым, В. Г. Кнориным, Е. С. Канчером. В ходе встречи представители Западной области отказались дать гарантию в охране съезда, но заверили, что не предпримут насильственных действий в его отношении. Минские большевики также подтвердили свою позицию о недопустимости передачи власти в Западной области от Облискомзапа какому-либо другому органу до окончания мирных переговоров в Бресте и созыва Учредительного собрания, сославшись при этом на мнение Л. Д. Троцкого⁵. Однако в результате давления со стороны Совнаркома и ЦК РСДРП(б)

¹НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 21. Д. 2533. Л. 6.

²НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 26. Л. 28.

³НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 755. Л. 13.

⁴НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 25.

⁵НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 35–36.

руководство Северо-Западной областной организации и Облискомзапа вынуждено было пойти на уступки. В Минске 8–10 декабря 1917 г. состоялись очередные переговоры представителей Облискомзапа и БОК, результатом которых стало соглашение об участии 10 делегатов с правом решающего голоса от Облискомзапа в работе Всебелорусского съезда. Кроме того, руководство Западной области обязывалось обеспечить безопасность съезда с 15 по 25 декабря, выделить для его работы помещение, питание и транспорт. Представители Облискомзапа должны были выступить на съезде с рядом докладов о положении в крае. Соглашение 10 декабря 1917 г. было одобрено председателем СНК В. И. Лениным, председателем ВЦИК Я. М. Свердловым и наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным¹.

Достигнутое соглашение вовсе не означало, что руководство Западной области было готово пойти на признание решений Всебелорусского съезда и переформировать исполнительные структуры советской власти в крае, допустив в них белорусские революционно-демократические силы. Дальнейшие события показали, что минские большевики, зная настроения в среде белорусских национал-демократов, собирались использовать любую возможность для дискредитации съезда в глазах центральных советских органов, чтобы получить санкцию на его разгон или как минимум непризнание принятых решений.

Попытка сторонников ВБР и БСГ провести съезд в Минске своими силами полностью провалилась. Предполагалось, что волостные земства направят по 1 делегату, уездные земства – по 2, городские самоуправления – по 1, губернские и уездные союзы кооперации – по 1, окружные органы профессиональных союзов (железной дороги, почты, телеграфа и др.) должны были выбрать своих представителей сообразно числу своих членов по расчету «приблизительно один представитель от 2000 белорусов». Белорусские политические, культурные и беженские организации посылали своих представителей согласно уставу, утвержденному на сессии ВБР. Балтийский и Черноморский флоты выбирали по 1 делегату-белорусу от бригады и дивизии. Такое же представительство устанавливалось и для Юго-Западного фронта. От Северного, Западного и Румынского фронтов направлялись члены Центральной белорусской войсковой рады (ЦБВР). Корпусные и дивизионные корпусные рады делегировали по 1 представителю [31, с. 1]. Однако 5 декабря 1917 г. вместо ожидаемых 900 делегатов в Минске собралось всего 300 человек [32, с. 1]. В результате это собрание было объявлено всего лишь совещанием, а не съездом. Но уже 7 декабря делегаты, опасаясь того, что представители БОК перехватят

у них инициативу, решили объявить свое собрание полномочным съездом, что, однако, не было признано другими белорусскими политическими организациями, а также органами советской власти. Тем не менее Облискомзап не предпринял никаких мер к разгону съезда, одновременно продолжая свои провокационные действия. Любопытно, что даже по отношению к исполкому ЦБВР, который самовольно распорядился занять здание губернского присутствия для нужд съезда и объявил губернскую типографию национальной собственностью, не было предпринято никаких карательных санкций. Совнарком Западной области и фронта ограничился лишь грозным внушением, опубликованным в советской прессе.

Более того, 13 декабря 1917 г. в газете «Советская правда», официальном печатном органе Облискомзапа, вышла статья «К белорусскому съезду». В ней сообщалось, что съезд начнет свои заседания 15 декабря, когда в Минск съедутся все члены учредительного собрания, избранные в белорусских губерниях. В статье содержалось весьма любопытное заявление: «В работах белорусского съезда приглашены принять участие все партии и представительства в Белоруссии без исключения. Объявление Белорусской республики ожидается к 15–16 декабря» [33, с. 2].

Но это был кажущийся нейтралитет. Облискомзап избрал курс на срыв съезда путем провокаций с целью принудить делегатов к антисоветским заявлениям и действиям. А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин и их соратники, зная неоднозначное отношение ВБР к советской власти и Петроградским событиям 25 октября 1917 г., выраженное в «Грамоте к белорусскому народу», предполагали, что на съезде, собранном при участии этой организации, будут предприняты какие-либо иные антисоветские шаги. Учитывая резкое осложнение отношений Петрограда с Украинской Центральной радой, это могло послужить в глазах всероссийского СНК достаточным поводом для роспуска съезда.

Е. С. Канчер в своих воспоминаниях приводит данные, которые в настоящий момент трудно верифицировать. Тем не менее эти сведения (пусть пока и сомнительного характера) нельзя не упомянуть. В ходе его личной беседы с А. Ф. Мясниковым была достигнута договоренность о том, что съезд выберет из своей среды Всебелорусский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который вместе с Облискомзапом составит новый ЦИК Советов Беларуси. При этом Совнарком Западной области сохранит свою власть до организации «Советской Автономной Белоруссии». ЦИК Советов Беларуси должен был созвать II Всебелорусский съезд не позже 15 января 1918 г. Предусматривался и созыв III съезда, на этот раз для принятия кон-

¹НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 39–40.

ституции [25, с. 74.]. Подобные вопросы могли обсуждаться на переговорах. А вот к какому решению пришли стороны? И пришли ли вообще? Пока на эти вопросы нет ответа. Как справедливо отмечает Г. Г. Лазько, «исследование вопроса о разгоне Всебелорусского съезда усложняется фрагментарностью, а в ряде случаев и противоречивостью источников» [34, с. 5].

Во всяком случае Облискомзап пошел на то, что дал добро на созыв Всебелорусского съезда. Но руководство Западной области и фронта пыталось использовать «левое течение съезда» для обструкции остальных делегатов. Главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников направил лидерам большевистско-левоэсеровской части съезда следующую телеграмму: «Сообщите товарищам, чтобы на съезде белорусов Рады они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность ее. Это требуется» [35, с. 4].

Согласно сохранившейся части анкет участников съезда, 367 делегатов представляли социалистические партии и близкие к ним профсоюзные организации, из которых большевиков насчитывалось 33 человека, левых эсеров – 57, а сочувствующих эсерам и большевикам – также 57 [36, с. 202]. Фракция «левого течения съезда» объединяла 118 делегатов [37, с. 361]. В состав фракции входили большевики, левые эсеры, представители левого течения БСГ, левые социал-демократы и анархисты¹. О влиянии фракции на съезд может говорить тот факт, что принятая фракцией «Резолюция о власти» впоследствии практически полностью вошла в соответствующие пункты итоговой резолюции съезда². Но левые, отстаивая принципы советской власти, отказывались признать Облискомзап легитимным органом.

На данный момент мы можем констатировать, что левые, представители революционно-демократического лагеря, преимущественно социалисты, составляли большинство на Всебелорусском съезде. При этом вопрос о соотношении большевиков, близких к ним левых эсеров, анархистов, а также разного рода сочувствующих, с одной стороны, и членов БСГ и других политических и общественных организаций, входивших в состав ВБР, с другой, остается открытым.

Минские лидеры большевиков решили напрямую использовать своих представителей на съезде для создания провокационных ситуаций. Уже в первый день работы делегатов съезда, 5 декабря, в зале заседаний были замечены 10 человек, стремившихся дезорганизовать работу съезда [26, с. 68]. Показательно, что приведенная численность про-

вокаторов совпадает с количеством представителей Облискомзапа, которые должны были принять участие в работе съезда. Выступавшие на пленарном заседании съезда 7 декабря 1917 г. большевики Л. П. Резауский и С. Берсон, представлявшие Облискомзап, произнесли провокационные, оскорбительные речи, едва не вызвавшие драку [27, с. 50]. Витебский большевик 14 декабря выступил с заявлением о том, что «белорусский национальный вопрос – затея буржуазии» [28, с. 67]. Во время своего выступления в тот же день О. Л. Дыло, представлявший фракцию социалистического блока, с тревогой отметил, что существуют «темные силы», которые стараются использовать возникшие на съезде противоречия для его срыва [28, с. 63]. Другие делегаты также неоднократно подчеркивали, что вокруг съезда плетутся интриги и в зале присутствуют провокаторы.

Полноценную работу Всебелорусский съезд начал 15 декабря 1917 г. Большинство исследователей приводят сведения о 1872 делегатах, из которых 1167 имели право решающего голоса. Именно такие данные впервые были приведены газетой «Белорусская рада», официальным органом Исполнительного комитета ЦБВР, 13 января 1918 г. Однако в источниках встречаются и другие цифры, а также данные, которые позволяют поставить под сомнение степень участия различных делегатов в работе съезда. Так, в январе 1918 г. делегаты Витебского губернского съезда рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов приняли специальное заявление, в котором отметили, что из 196 волостей Витебской губернии на съезде в Минске присутствовали делегаты только от 51 волости. При этом большинство витебских делегатов «по выяснению явно контрреволюционной физиономии белорусского съезда ушло с него»³.

Облискомзап заранее готовил пропагандистское обоснование разгона съезда. Видимо, эта работа не прекращалась все время работы съезда с 5 по 15 декабря 1917 г. В телеграмме Совнаркому, Наркомнацу, ВЦИК, редакции газеты «Правда» по поводу разгона Всебелорусского съезда председатель Совнаркома Западной области и фронта К. И. Ландер хотя и констатировал очевидный факт признания съездом всероссийской советской власти, излагал искаженную информацию. Он утверждал, что съезд прошел «под влиянием шовинистических националистических элементов», а «под флагом белорусского национального движения» якобы нашли приют кадеты⁴. Частично сохранившиеся протоколы съезда, воспоминания его участников и очевидцев позволяют однозначно опровергнуть эти доводы

¹НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 748. Л. 14–17.

²НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11.

³НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 755. Л. 15.

⁴НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 748. Л. 26.

Облискомзапа. Ни один из них не соответствовал действительности.

На самом деле итоговая резолюция Всебелорусского съезда, принятая в ночь с 17 на 18 декабря, по сути своей была просоветской. Делегаты провозгласили республиканский строй на территории Беларуси «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской демократической Республики» [29, с. 57]. Участники съезда признавали всероссийскую советскую власть и постановили делегировать белорусских представителей в центральные советские органы. Однако съезд игнорировал существовавший в Минске Облискомзап как высший орган советской власти на территории Беларуси: «1-й Всебелорусский съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава власть в лице Всебелорусского Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с центральной властью, ответственной перед Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [29, с. 57]. Кроме того, в ближайшее время предполагалось созвать второй Всебелорусский съезд и Белорусское Учредительное собрание для решения наиболее важных вопросов края. Это явилось приговором съезду. Не постановка на повестку дня национального вопроса, не споры вокруг символики, а именно наиболее конкретный вопрос о власти. Облискомзап не мог терпеть конкурентов и отреагировал мгновенно. Еще в ходе чтения резолюции в зал вошел комиссар по военным делам Облискомзапа М. И. Кривошеин и объявил о роспуске съезда. Голосование по резолюции проходило уже в момент разгона и было единогласным. М. И. Кривошеин и его вооруженная охрана задержали 27 участников съезда [38, с. 4].

В сентябре 1919 г. в официальном органе ЦК КП(б)Б «Звезда» вышла программная статья «Восемь месяцев Советской Белоруссии», в которой содержался ретроспективный обзор не только периода существования БССР, но и предшествующего революционного этапа. В ней признавалось, что на съезде присутствовало 1167 делегатов с решающим голосом и 705 – с совещательным. Указывалась и подлинная причина разгона съезда – борьба за власть внутри самого советского политического лагеря: «Но его работы закончились принятием резолюции об организации национально-белорусской “советской власти”, фактически о передачи всей власти выделенному этим съездом Исполнительному комитету» [39, с. 3]. Председатель Совнаркома Западной области К. И. Ландер выписал на имя Л. П. Резауского ордер на бланке комиссариата внутренних дел от 17 декабря 1917 г. № 1425, в котором ставилась конкретная задача: «Оцепить здание, где происходит заседание Белорусского съезда, арестовать президиум съезда, а равно из-

бранный им орган краевой власти, отозвать со съезда товарищей большевиков и стоящих на очке зрения Советской власти, и самый съезд объявить распущенным» [39, с. 3].

Среди последствий роспуска Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. можно выделить краткие и долгосрочные. К краткосрочным, которые оказывали влияние на политическую жизнь в течение нескольких месяцев, следует отнести срыв провозглашения Белорусской советской республики, временную консолидацию центра и правого крыла БСГ, а также ускорение большевизации левой части БСГ, стремившейся заполнить нишу «белорусского большевизма», оформив таким образом течение белорусского национального движения на советской платформе. Долгосрочные последствия сказывались на развитии политического процесса в Беларуси на протяжении нескольких лет. К ним можно отнести: разрыв большевиков с белорусскими национально-демократическими силами, прежде всего с БСГ, формирование у членов Облискомзапа своеобразного «комплекса неприятия белорусского вопроса», который проявлялся в крайне болезненном отношении «областных коммунистов» к попыткам создания белорусской советской государственности. Любые такие поползновения воспринимались Облискомзапом как непосредственная и серьезная угроза его власти. Роспуск Всебелорусского съезда обозначил и стремительное изменение тактики Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) по отношению к прочим политическим силам: отныне насильственные методы борьбы с оппонентами даже в революционно-демократическом лагере становятся вполне употребимыми.

Довольно распространенным является мнение, согласно которому Всебелорусский съезд был распущен по причине своего настроения на создание независимой Белорусской республики. Подобные взгляды в концентрированном виде отразил Л. М. Лыч: «Выступление все же довольно значительной части делегатов Первого Всебелорусского съезда за независимое национально-государственное развитие Отечества послужило основной причиной его разгона Советом народных комиссаров Западной области и фронта, занимавшим иную позицию по данному вопросу» [40, с. 141]. Однако приведенные выше факты опровергают такое суждение. Камнем преткновения, приведшим к конфликту, стал вопрос о власти. Кстати сказать, когда распределение властных полномочий будет завершено, а советская политическая система оформится и стабилизируется, и А. Ф. Мясников, и В. Г. Кнорин включатся в работу по национально-государственному строительству в Беларуси. А. Ф. Мясникову придется еще и поруководить в Закавказье, основываясь все на тех же принципах советской национальной

политики, против которых он вроде бы поначалу возражал.

Любопытно, что даже после разгона Всебелорусского съезда сами белорусские революционно-демократические силы не собирались порывать с советской властью. Наоборот, белорусские представители стремились заручиться поддержкой центральных советских органов в своем противостоянии с Облискомзапом. Так, 21 декабря 1917 г. во ВЦИК обратилась Белорусская социал-демократическая рабочая партия (БСДРП) с просьбой предоставить одно-два места в его составе для своих представителей. В обращении особо подчеркивалось, что эта молодая политическая партия стоит «на общедемократической платформе признания Советской власти»¹. А через считанные дни, 3 января 1918 г., с такой же просьбой во ВЦИК обратилась уже БСГ². Сам факт таких обращений свидетельствует о том, что в этот период все основные политические силы Беларуси признавали легитимность советских органов. Более того, они конкурировали в борьбе за их благосклонность, рассчитывая использовать властный ресурс Петрограда для реализации своих программных целей. В этом плане показателен ответ Президиума ВЦИК. Просьба БСДРП была удовлетворена – партии предоставили одно место во ВЦИК, а БСГ категорически отказали. Причем в этом решении оказались единодушны и большевики, и левые эсеры. Союзники по правительственной коалиции были полны решимости идти на сотрудничество по национальному вопросу только с так называемыми попутчиками, т. е. теми политическими партиями и группами, которые безоговорочно поддерживали советскую власть, а также были идеологически близки. Подобные условия в дальнейшем позволили бы либо растворить их внутри самих правящих партий, либо выступать единым фронтом в назревавшей острой фазе политического противостояния.

С точки зрения борьбы за власть действия Облискомзапа, окончившиеся разгоном Всебелорусского съезда, не только не были ошибочными, но являлись в тех условиях почти неизбежными. Безусловно, разгон съезда поставил под сомнение возможность сотрудничества различных партий на советской основе. Но это не было самоцелью для большевиков. Реализация решений съезда означала бы утрату Облискомзапом и стоявшим за ним Северо-Западным областным комитетом РСДРП(б) монополии на власть. И это объективно вынуждало их предпринимать самые жесткие шаги по ликвидации этой угрозы, что они с успехом и осуществили. В итоге III Всероссийский съезд Советов (10–18 января 1918 г.) признал Белорусскую раду

«самозванной организацией», «не опирающейся на трудовые массы Белоруссии» [41, с. 87]. Это решение зафиксировало фактическое выведение значительной части белорусского национального движения за рамки советской системы.

Как уже отмечалось, одним из последствий разгона Всебелорусского съезда стало ускорение большевизации левой части белорусского национально-демократического движения. Этот процесс начался еще летом 1917 г. в Московской и Петроградской организациях БСГ, объединявших до трети всех членов партии. На III съезде БСГ (14–25 октября 1917 г.) левая часть партии во главе с А. Г. Червяковым и Д. Ф. Жилуновичем выступила против коалиции с правыми национальными социалистами, прежде всего украинскими. В свою очередь, сторонники этого курса в лице А. Л. Бурбиса обвинили «левых» в поддержке кандидатов-большевиков на выборах в Учредительное собрание. Большинство участников съезда, стоявшее на правых и центристских позициях, отказалось ввести в состав нового ЦК представителей Петроградской организации [42, с. 76]. Данное решение привело к фактическому расколу партии. Вероятно, в октябре 1917 г. начался процесс создания БСДРП, близкой по своей идеологии к большевикам. Однако некоторое время БСДРП и левое течение БСГ не были четко структурированы между собой в организационном плане. Так, лидер БСДРП А. Г. Червяков вплоть до декабря 1917 г. являлся заместителем председателя Петроградской организации БСГ³.

Тем временем руководство РСДРП(б) и Совнарком хотя и не пошло на публичное осуждение насильственных действий Облискомзапа, крайне резко отреагировало на самовольные действия своих товарищей. И. В. Сталин немедленно связался с Минском и потребовал освобождения задержанных. Это было исполнено. Петроград настаивал также на скорейшем проведении Второго съезда, однако Облискомзап на протяжении всего января уклонялся от данного решения. Давление из центра было так сильно, что в Минске вынуждены были начать работу к такому созыву. Прервало ее начавшееся 18 февраля немецкое наступление.

Совнарком даже в этих сложных военно-политических обстоятельствах не отказался от идеи создания Белорусской советской республики. Как можно судить по имеющимся источникам, это была одна из главных задач, стоявших перед вновь созданным в январе – феврале 1918 г. Белорусским национальным комиссариатом (Белнацком) при Наркомнаце Советской России.

Сам процесс создания новой республики в будущем не только был тесно связан с общим советским

¹ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 32. Д. 11. Л. 20.

²ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 32. Д. 12. Л. 5.

³БГАМЛИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

строительством в стране, но и в буквальном смысле происходил одновременно с коммунистическим партийным строительством в Беларуси. Еще до начала освобождения территории края от немецких оккупантов, осенью 1918 г., заметно активизировался процесс институционализации белорусского коммунистического движения. Организатором этого процесса выступал Белнацком, действовавший в Москве. Нужно отметить, что у комиссариата складывались не просто напряженные, а открыто враждебные отношения с Облискомзапом и Север-Западным комитетом РКП(б). И все же в октябре 1918 г. была оформлена белорусская секция при Московском городском комитете РКП(б)¹. Ее костяком стала большевистская фракция самого Белнацкома.

Инициатива создания Белорусского советского государства исходила от коммунистов. В Москве 21–23 декабря 1918 г. состоялась конференция белорусских секций РКП(б), которая признала необходимым создание Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси, избрало Центральное бюро (ЦБ) белорусских секций во главе с Д. Ф. Жилуновичем². Несмотря на отрицательное отношение А. Ф. Мясникова, В. Г. Кнорина и других партийных и советских лидеров Западной области к вопросу национального самоопределения Беларуси, ЦК РКП(б), учитывая предложение ЦБ белорусских секций и Белнацкома, 24 декабря 1918 г. принял решение провозгласить независимость и государственный суверенитет БССР. В результате консультаций 25–27 декабря 1918 г. представителей Белнацкома, ЦБ белорусских секций РКП(б) и Северо-Западного обкома РКП(б) было решено сконструировать правительство Советской Беларуси, определены ее примерные границы

и установлен порядок оформления руководящего партийного центра Беларуси, а также его права [43, с. 148].

Большевистская стратегия в отношении белорусской государственности отражала в целом национальную политику правящей партии. По сути, она предполагала решение национального вопроса в России в два этапа. Во-первых, следовало предоставить нациям возможность самим определиться, как они желают видеть свое будущее. Во-вторых, образовавшиеся республики должны были объединиться в союз на социалистической и советской основе. Борьба большевиков со своими политическими оппонентами в среде национальных движений вовсе не означала неприятие права наций на самоопределение, а лишь отражала стремление к наиболее полному претворению в жизнь своей революционной программы.

Опыт национально-государственного строительства в Беларуси после победы большевиков и установления советской власти может привести нас к весьма любопытному и на первый взгляд парадоксальному выводу. По сути, только благодаря оформившемуся в результате победы большевиков авторитаризму удалось решить белорусский национальный вопрос. Демократическим путем он был неразрешим. Политические партии и группы, которые ставили проблему оформления белорусской государственности, будь то в форме автономии или полностью самостоятельного образования, не могли заручиться поддержкой сколько-нибудь значимого количества избирателей. В кругу политических сил края они неизменно оказывались в меньшинстве. Белорусская государственность оказалась реально осуществимой только на советской основе, что и доказала история нашей страны в XX в.

Библиографические ссылки

1. *Игнатенко И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск : Навука і тэхніка, 1992.
2. *Сташкевич Н. С.* Трудный путь белорусской государственности // *Беларус. думка*. 2008. № 1. С. 28–33.
3. *Круталевич В. А.* История Беларуси. Становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск : Право и экономика, 1999.
4. *Козляков В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). Минск : БГТУ, 2001.
5. *Рудовіч С.* Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Минск : НВК «Тэхналогія», 2001.
6. *Ладзеў У. Ф., Брыгадзін П. І.* На пераломе эпох. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск : БДУ, 1999.
7. *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории. Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М. : ООО «Родина МЕДИА», 2013.
8. *Лазько Р. Р.* Белнацкам і Наркамнац: першы прыкры вопыт узаемаадносін (студзень – чэрвень 1918 г.) // *Беларус. гіст. часоп.* 2012. № 2. С. 4–15.
9. *Лазько Р. Р.* Палітыка Савецкай Расіі ў дачыненні да Беларусі ў святле нацыянальнай праграмы партыі бальшавікоў (кастрычнік 1917 г. – пачатак 1919 г.) // *Беларус. гіст. часоп.* 2012. № 7. С. 3–11.
10. *Лазько Р. Р.* Пачатак бальшавіцкай нацыянальнай палітыкі // *Беларус. гіст. часоп.* 2013. № 12. С. 5–10.
11. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.].* Мінск : Беларус. навука, 2011.

¹ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 23. Д. 33. Л. 4 об.

²НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.

12. Лазько Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года) // Беларус. гістар. часопіс. 2016. № 4. С. 5–10.
13. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 2. С. 290–367.
14. Сталин И. Против федерализма // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 3. С. 23–28.
15. Сталин И. Политика правительства по национальному вопросу // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 4. С. 225–229.
16. Троцкий Л. Сочинения. М. : Госиздат, 1917. Ч. 2 : От Октября до Бреста. [Б.г.].
17. Ленин В. И. Воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. С. 11.
18. Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. С. 112–118.
19. Декреты Советской власти : в 13 т. М. : Политиздат, 1957–1989. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.
20. Крупская Н. К. Аб нацыянальнай і інтэрнацыянальнай культуры / пер. з рус. мовы А. Д. Улоб. [Б.м.], 1927.
21. Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. Минск : Беларусь, 1990.
22. Киржниц А. Сто дней Советской власти в Белоруссии // Пролетар. революция. 1928. № 3. С. 61–130.
23. Булат Б. В. История выборов во Всероссийское Учредительное Собрание и Гражданской войны в России (1918–1922). Атлас. 3-е изд. СПб. : Нестор-история, 2016.
24. Гарэцкі М. Творы. Дзве душы: аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990.
25. Канчер Е. С. Из истории Гражданской войны // Беларус. думка. 2010. № 1. С. 92–97.
26. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 1. С. 62–69.
27. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 2. С. 46–55.
28. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка/ прадм. і публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 3. С. 61–69.
29. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 4. С. 50–62.
30. Канчер Е. С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов // Неман. 1993. № 1. С. 136–167.
31. Белорусская рада. 1917. 3 дек. С. 1.
32. Вольная Беларусь. 1917. 31 снеж. С. 1.
33. К белорусскому съезду // Сов. правда. 1917. 13 дек. С. 2.
34. Лазько Р. Р. Самвызначэнне, прыпынена гвалтам: (да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года) // Беларус. гіст. часоп. 2016. № 3. С. 5–12.
35. Тайные документы // Беларус. земля. 1918. 1 марта. С. 4.
36. Скалабан В. «Хай ведаюць патомкі...»: Алесь Гарун – дэлегат і гісторык Усебеларускага з'езда 1917 г. // Роднае слова. 1997. № 8. С. 195–207.
37. Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск : Изд-во Мин-ва высшего, сред. и профессионального образования БССР, 1962.
38. Разгон у ноч з 17 на 18 снежня Усебеларускага З'езду // Вольная Беларусь. 1917. 21 снеж. С. 4.
39. Восемь месяцев Советской Белоруссии // Звезда. 1919. 24 сент. С. 3.
40. Лыч Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты. Мінск : [б. в.], 2010.
41. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг. : [Б. и.], 1918.
42. Жылуновіч З. Беларускія сэкцыі РКП і стварэнне Беларускай Савецкай Рэспублікі // Палымя. 1928. № 10. С. 73–93.
43. Маргунский С. П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922. Минск : Акад. наук БССР, 1958.

References

1. Ignatenko I. M. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i samoopredelenie Belorussii* [October Revolution and Self-determination of Belarus]. Minsk : Navuka i tjechnika, 1992 (in Russ.).
2. Stashkevich N. S. [The difficult way of the Belarusian statehood]. *Belarus. dumka* [Belarusian thought]. 2008. No. 1. P. 28–33 (in Russ.).
3. Krutalevich V. A. *Istoriya Belarusi. Stanovlenie natsional'noi derzhavnosti (1917–1922 gg.)* [Belarusian history. Formation of national power (1917–1922)]. Minsk : Pravo i ekonomika, 1999 (in Russ.).
4. Kozlyakov V. E. *Natsional'nyi vopros i neonarodnicheskie partii. Nachalo XX v. – konets 20-kh gg. (Na materialakh Rossii, Belarusi, Ukrainy)* [The National Question and Non-human Parties. The Beginning of XX Century – the Late 20s (On the materials of Russia, Belarus, Ukraine)]. Minsk : BSTU, 2001 (in Russ.).
5. Rudovich S. *Chas vybaru: problema samavyznachennja Belarusi w 1917 g.* [Time to Choose: the Problem of Self-determination of Belarus in 1917]. Minsk : NVK «Tjechnalogija», 2001 (in Belarus.).
6. Ladysew U. F., Brigadzin P. I. *Na peralome jepoh. Stanawlenne belaruskaj dzjarzhawnasci (1917–1920 gg.)* [At the Turn of the Eras: the Belarusian Statehood (1917–1920)]. Minsk : BSU, 1999 (in Russ.).
7. Borisenok U. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii. Obshestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka* [At the sharp turns of Belarusian history. Society and the state between Poland and Russia in the first half of the twentieth century]. Minsk : OOO «Rodina MEDIA», 2013 (in Russ.).

8. Laz'ko R. R. [Belarusian National Commissioner and People's Commissariat for Nationalities Affairs: First Unfortunate Experience of Relations (1918)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2012. No. 2. P. 4–15 (in Belarus.).
9. Laz'ko R. R. [Soviet Russia's Policy Towards Belarus in the Light of the National Program of the Bolshevik Party (1917–1919)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2012. No. 7. P. 3–11 (in Belarus.).
10. Laz'ko R. R. [The beginning of the Bolshevik national policy]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2013. No. 12. P. 5–10 (in Belarus.).
11. Kavalenja A. A. (ed.). *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pachatku XXI st.* [The History of the Belarusian Statehood in the Late XVIII and Early XXI Century]. Minsk : Belaruskaja navuka, 2011 (in Belarus.).
12. Laz'ko R. R. [Self-determination, Suspended violence (the Question of Overclocking the All-Belarusian Congress in 1917)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2016. No. 4. P. 5–10 (in Belarus.).
13. Stalin I. V. [Marxism and the national question]. *Compositions* : in 13 vol. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 2. P. 290–367 (in Russ.).
14. Stalin I. [Against Federalism]. *Compositions* : in 13 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 3. P. 23–28 (in Russ.).
15. Stalin I. [Government policy on the national question]. *Compositions* : in 3 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 4. P. 225–229 (in Russ.).
16. Trotskii L. [Compositions]. Moscow : Gosizdat, 1917. Part 2 : From October to Brest.
17. Lenin V. I. [Appeal «Workers, soldiers and peasants!»]. *Complete works* : 55 vols. 5th ed. Moscow : Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 35. P. 11 (in Russ.).
18. Lenin V. I. [Speech at the First All-Russian Congress of the Navy November 22 (December 5), 1917]. *Complete works* : 55 vols. 5th ed. Moscow : Gospolitizdat, 1958–1965. P. 112–118 (in Russ.).
19. [Decrees of Soviet power] : in 13 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1957–1989. Vol. 1 : 25 October 1917 – 16 March 1918 (in Russ.).
20. Krupskaya N. K. [On the National and International Culture]. 1927 (in Belarus.).
21. Knorin V. G. [Selected Articles and Speeches]. Minsk : Belarus, 1990 (in Russ.).
22. Kirzhnits A. [One Hundred Days of Soviet Power in Belarus]. *Proletarskaya revolyutsiya* [The Proletarian Revolution]. 1928. No. 3. P. 61–130 (in Russ.).
23. Bulat B. V. *Istoriya vyborov vo Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie i Grazhdanskoi voyny v Rossii (1918–1922). Atlas* [The History of Elections to the All-Russian Constituent Assembly and the Civil War in Russia (1918–1922). Atlas]. Saint-Petersburg : Nestor-Istoriya, 2016 (in Russ.).
24. Garjecki M. [Works. Two Souls: story. Stories. Humorous Pisarevich: Play. Literary Criticism and Journalism]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990 (in Russ.).
25. Kancher E. S. [From the History of the Civil War]. *Belaruskaja dumka* [Belarusian thought]. 2010. No. 1. P. 92–97 (in Russ.).
26. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 1. P. 62–69 (in Belarus.).
27. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 2. P. 46–55 (in Belarus.).
28. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 3. P. 61–69 (in Belarus.).
29. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 4. P. 50–62 (in Belarus.).
30. Kancher E. S. [From the history of public, national and revolutionary movements of Belarusians]. *Neman*. 1993. No. 1. P. 136–167 (in Russ.).
31. The Belarusian Parliament. 1917. 3 Dec. P. 1 (in Russ.).
32. Free Belarus. 1917. 31 Dec. P. 1.
33. [To the Belorussian Congress]. *Sov. pravda* [Soviet truth]. 1917. 13 Dec. P. 2 (in Russ.).
34. Laz'ko R. R. [Self-determination, Suspended Violence: (to the Question of Overclocking the All-Belarusian Congress 1917)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2016. No. 3. P. 5–12 (in Belarus.).
35. [Secret documents]. *Belorus. zemlya* [The Belarusian Land]. 1918. 1 March. P. 4 (in Russ.).
36. Skalaban V. [«Let Let It Be Known by Descendants...»: Ales Garun – Delegate, and the All-Belarusian Congress Historian 1917]. *Rodnae slova* [Native Word]. 1997. No. 8. P. 195–207 (in Belarus.).
37. Ignatenko I. M. *Bedneishee krest'yanstvo – soyuznik proletariata v bor'be za pobedu Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v Belorussii (1917–1918 gg.)* [The Poorest Peasantry is an Ally of the Proletariat in the Struggle for the Victory of the October Socialist Revolution in Belarus (1917–1918)]. Minsk : Izd. Ministerstva vysshego, srednego i professional'nogo obrazovaniya BSSR, 1962 (in Russ.).
38. [Dispersal in the Night of 17 on December 18 the All-Belarusian Congress]. *Vol'naya Belarus'* [Free Belarus]. 1917. 21 Dec. P. 4 (in Russ.).
39. [Eight Months of Soviet Belarus]. *Zvezda*. 1919. 24 Sept. P. 3 (in Russ.).
40. Lich L. *Belaruskaja nacyjanal'naja idėja: tjearyetichny i praktychny aspekty* [Belarusian National Idea: Theoretical and Practical Aspects]. Minsk, 2010 (in Russ.).
41. [The Third All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies]. Petrograd, 1918.
42. Zhylunovich Z. [Belarusian Section of the RCP and the Creation of the Belarusian Soviet Republic]. *Polymja*. 1928. No. 10. P. 73–93 (in Belarus.).
43. Margunski S. P. *Sozdanie i uprochenie belorusskoi gosudarstvennosti. 1917–1922* [Creation and Consolidation of Belarusian Statehood. 1917–1922]. Minsk : Acad. of Sci. of the BSSR, 1958 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.11.2017.
Received by editorial board 29.11.2017.